

ОПОЛЧИМСЯ ПРОТИВ БЕЗВКУСИЦЫ!

РАДОВАТЬСЯ
прекрасному,
наслаждаться кра-
сотой — это такая
же естественная по-
требность, как стремление к сча-
стью, как желание быть здоровым,
полным сил, ощущать свое прочное
место в жизни, быть нужным лю-
дям, обществу. Человек не способен
отличить красоту от безобразного,
видеть различие между истинно
прекрасным и фальшиво краси-
вым, не сможет по-настоящему
насладиться в жизни высокими раз-
ностями, которые доступны тому,
кто может хорошо и сильно чувствовать
и научиться распознавать под-
линную красоту. Семейка, которой мы
вступили, дает нам вспомнить не только величественные га-
биты той действительности в пол-
ном смысле слова прекрасной жизни,
которая сталастью для нас, но и
милета уверенно находит контуры
и того высокодуховенного бытия,
в котором определяются этические
черты подлинно коммунистического человека. Поэтому естественно стрем-
ление к гармоничному совершенству, с каждым шагом все сильнее пре-
вращающее нашей молодежь.

Свидетельством тому — народные университеты культуры, в которых слушаются лекции, идут семинары, разгораются споры по различным вопросам музыки, театра, литературы, или коллективные посещения концертов, спектаклей, художественных выставок молодежи производственниками из бригад коммунистического труда, записанных эти походы «ккраю прекрасного» одним из первых параграфов своей последней программы. И бесконечные встречи, испытанные в рабочих клубах, в вузовских аудиториях, в общепитных молодежных столовых или трактирах на тему воспитания вкуса. Все это говорит об огромном внимании нашего народа, прежде всего молодежи, к проблемам эстетического воспитания. Вопросы правильного восприятия различных явлений искусства, вопросы, связанные с первым пониманием истинной красоты применительно не только к литературе, музыке, архитектуре, но и обустройству жилья, к личному поведению в обществе, к поведению и этикете письма, к повседневной речи, — все это у нас сегодня стало насыщенным требованием нашей общенародной жизни.

До сих пор опищется, какой-то смелоидный холерик с проблемами бытовой эстетики, к вопросам проявления вкуса в повседневности, в ряду насущных задач, которые стоят перед ветхой как науки жизнью. Трудно даже подсказать молодому человеку, интересующемуся проблемами воспитания художественного вкуса, книги, статьи, которые помогли бы молодежи разобраться в этих весьма сложных и существенных для формирования молодого сознания вопросах.

Подобное незнание со стороны нашей публики, печати, газет и журналов к вопросам эстетического воспитания в быту приводит вновь к тому, что люди, против которых направлена острая выступление, клямищущих дурной вкус, начинают чувствовать себя как бы защищенным панцирем общественного мнения.

В течение двадцати лет автору этих строк приходится вести многочасовые беседы о хорошем и дурном вкусе в самых разнообразных молодежных аудиториях. Сотни сотни писем от читателей и слушателей еще раз подтверждают, как великий интерес к этой теме. Но некоторые отклики показывают еще, как подчас настороженно, а порой и неприязненно относятся к тем, кто-то и прямыми, и конкретными разговорами в быту приводит вновь к тому, что люди, против которых направлена острая выступление, клямищущих дурной вкус, начинают чувствовать себя как бы защищенным панцирем общественного мнения.

Вот, например, писатель Л. из города Людиново пишет притчу отсутствия у некоторых людей верного вкуса лишь в том, что «людям еще недостаточно внушиено, что они господа в своей земле». Конечно, советский человек имеет все данные, все основания и права считать себя подлинным хозяином на своей советской земле или, как выражается тот, Л., «нашествовать себя «господином». Но именно потому, что люди в нашей стране стали истинными хозяевами своего труда, своей судьбы, всех благ, которые дает человеку наша жизнь, мы говорим, что наш народ

Лев КАССИЛЬ

зашел вместе с другими благами и радость постижения красоты. Но именно Л. и некоторых других читателей, думавших так же, как и он, выходят, что достаточно только человеку почтствовать себя полностью господином — принять самой себе все оставленное: культура, правильные представления о прекрасном, первый, хороший тон в жизни. А вот богатыя куцы, скажем, чувствуют себя исконично полными господами в жизни; однако лишь единицы из них, лишь те, которые, развились в общении с передовыми людьми России, поднялись до истинных высот культуры. А массе своей это были люди крайне кривого, воинистского грубого, некультурного вкуса, люди, неспособные постыдиться истинно прекрасное, так как считали, что превыше всякой красоты — рубль.

Значит, дело не только в одном сознании, что ты господин... Ведь именно тогда, когда в нашей стране трудовые классы взяли власть в свои руки, Владимир Ильин Ленин принял рабоче-крестьянскую молодежь, молодых хозяев земли советской к науке, к овладению всеми высотами культуры. Учиться, учиться и учиться! А учиться — это значит не только овладевать знаниями, не только применять сознательно и увлеченно приобретенные знания, навыки, умение в труде, но и добиваться верных представлений о красоте, о прекрасном, развивать способность правильно понимать жизнь и предаваться всем тем высоким радостям, которые она теперь может дать человеку, становящемуся истинным хозяином своей судьбы.

Как правило, всякие публичные выступления против тех или иных конкретных проявлений безвкусности в искусстве в быту кого-то обижает... Привычки, вкусы, представления, прочно укоренившиеся в сознании, в укладе повседневности, как бы порой дуры и ложны ни были они, непременно находят своих защитников. Некоторые из них упрекают ее из-за пренебрежения к привычкам, как из сам называет «кустарнички», как из сам называет их из своего бюрократического жаргона. Сразу поднимается крик, что в борьбе за хороший, полный здорового вдохновения, отвечающий требованиям подлинного культурного человека были мы якобы поднятыми руки на голову и утробе. Так, тут, У. из Тюмени в своем гневном письме, адресованном ряду организаций, требует сначала, чтобы писатели вошли за хороший вкус, «поднявшись на трибуны в вузах, на заводах, фабриках, на вечерах о воспитании вкуса и после выступления на эту тему по радио и получив множества писем, где меня упрекали за то, что я позволяю себе употреблять слова — пошлость, пошлата. Слова эти, ка-

ром, не жалея тратиться, сам собирает и пристроит к замку над столом радиодиод и успокаивающим глаза блажур. Мы за это. Но плохо, когда забота о занавесах, о ковриках, о салфетках и подушечках становится чуть ли не главной в жизни, подчиная себе все другие интересы. Делают не в том, старомоден ли или нет ультрасовременный сервант, ради которого заслонились им от более серьезных забот жизни, хозяева готовы и лениться распинаться... Жизнь становится гесей от всех этих усилий, ухищрений и мелочных лабораторий, она как бы тускнеет в удачливых техниках между миераптиками, заторможивающими быт. Многие читатели в своих письмах о вкусах в быту правильны высмеивают пристрастие к выставленным на постели семейным кроватям. В конечном итоге это не только неудача, но и низкий, подый, плюзийский. Именно такое понятие мы должны придавать понятию пошлости.

Спору нет, промышленность наша, выпускающая предметы для оформления быта, и торговые организации, занимающиеся продажами бытовых приборов, стремятся к выставленным на постели семейным кроватям, чтобы быт не был пренебрежением к промышленности. И, конечно, когда промышленность станет в массовом порядке «выпускать» действительно красивые и в то же время недорогие вещи, бороться с безвкусием будет куда легче, чем сейчас. Но все же, ведь разговор о воспитании вкуса, будь ли склоняется всегда оправдывать дурной вкус человека тем, что у него мало, пока еще не хватает денег на приобретение красивых, дорогостоящих вещей. Такой разговор несколько демагогичен. И никогда следует заглядывать не только в карман человека, но и в его душу. Безвкусия порой тратят бешеные деньги на то, что мы определяем не очень благозвучными, но точным словом «показуху», зато получают рублем на вещь хорошую, нужную, но скромную на вид.

Вот так и рождается унылая, глупящая живые порывы молодой души самодовольная мещанская пошлость. Развалившая безвкусия сошутствует своему бюрократическому жаргону. Сразу поднимается крик, что в борьбе за хороший, полный здорового вдохновения, отвечающий требованиям подлинного культурного человека были мы якобы поднятыми руки на голову и утробе. Так, тут, У. из Тюмени в своем гневном письме, адресованном ряду организаций, требует сначала, чтобы писатели вошли за хороший вкус, «поднявшись на трибуны в вузах, на заводах, фабриках, на вечерах о воспитании вкуса и после выступления на эту тему по радио и получив множества писем, где меня упрекали за то, что я позволяю себе употреблять слова — пошлость, пошлата. Слова эти, ка-

ко правило, не жалея тратиться, сам собирает и пристроит к замку над столом радиодиод и успокаивающим глаза блажур. Мы за это. Но плохо, когда забота о занавесах, о ковриках, о салфетках и подушечках становится чуть ли не главной в жизни, подчиная себе все другие интересы. Делают не в том, старомоден ли или нет ультрасовременный сервант, ради которого заслонились им от более серьезных забот жизни, хозяева готовы и лениться распинаться... Жизнь становится гесей от всех этих усилий, ухищрений и мелочных лабораторий, она как бы тускнеет в удачливых техниках между миераптиками, заторможивающими быт. Многие читатели в своих письмах о вкусах в быту правильны высмеивают пристрастие к выставленным на постели семейным кроватям. В конечном итоге это не только неудача, но и низкий, подый, плюзийский. Именно такое понятие мы должны придавать понятию пошлости.

Спору нет, промышленность наша, выпускающая предметы для оформления быта, и торговые организации, занимающиеся продажами бытовых приборов, стремятся к выставленным на постели семейным кроватям, чтобы быт не был пренебрежением к промышленности. И, конечно, когда промышленность станет в массовом порядке «выпускать» действительно красивые и в то же время недорогие вещи, бороться с безвкусием будет куда легче, чем сейчас. Но все же, ведь разговор о воспитании вкуса, будь ли склоняется всегда оправдывать дурной вкус человека тем, что у него мало, пока еще не хватает денег на приобретение красивых, дорогостоящих вещей. Такой разговор несколько демагогичен. И никогда следует заглядывать не только в карман человека, но и в его душу. Безвкусия порой тратят бешеные деньги на то, что мы определяем не очень благозвучными, но точным словом «показуху», зато получают рублем на вещь хорошую, нужную, но скромную на вид.

Вот так и рождается унылая, глупящая живые порывы молодой души самодовольная мещанская пошлость. Развалившая безвкусия сошутствует своему бюрократическому жаргону. Сразу поднимается крик, что в борьбе за хороший, полный здорового вдохновения, отвечающий требованиям подлинного культурного человека были мы якобы поднятыми руки на голову и утробе. Так, тут, У. из Тюмени в своем гневном письме, адресованном ряду организаций, требует сначала, чтобы писатели вошли за хороший вкус, «поднявшись на трибуны в вузах, на заводах, фабриках, на вечерах о воспитании вкуса и после выступления на эту тему по радио и получив множества писем, где меня упрекали за то, что я позволяю себе употреблять слова — пошлость, пошлата. Слова эти, ка-

ко правило, не жалея тратиться, сам собирает и пристроит к замку над столом радиодиод и успокаивающим глаза блажур. Мы за это. Но плохо, когда забота о занавесах, о ковриках, о салфетках и подушечках становится чуть ли не главной в жизни, подчиная себе все другие интересы. Делают не в том, старомоден ли или нет ультрасовременный сервант, ради которого заслонились им от более серьезных забот жизни, хозяева готовы и лениться распинаться... Жизнь становится гесей от всех этих усилий, ухищрений и мелочных лабораторий, она как бы тускнеет в удачливых техниках между миераптиками, заторможивающими быт. Многие читатели в своих письмах о вкусах в быту правильны высмеивают пристрастие к выставленным на постели семейным кроватям. В конечном итоге это не только неудача, но и низкий, подый, плюзийский. Именно такое понятие мы должны придавать понятию пошлости.

Спору нет, промышленность наша, выпускающая предметы для оформления быта, и торговые организации, занимающиеся продажами бытовых приборов, стремятся к выставленным на постели семейным кроватям, чтобы быт не был пренебрежением к промышленности. И, конечно, когда промышленность станет в массовом порядке «выпускать» действительно красивые и в то же время недорогие вещи, бороться с безвкусием будет куда легче, чем сейчас. Но все же, ведь разговор о воспитании вкуса, будь ли склоняется всегда оправдывать дурной вкус человека тем, что у него мало, пока еще не хватает денег на приобретение красивых, дорогостоящих вещей. Такой разговор несколько демагогичен. И никогда следует заглядывать не только в карман человека, но и в его душу. Безвкусия порой тратят бешеные деньги на то, что мы определяем не очень благозвучными, но точным словом «показуху», зато получают рублем на вещь хорошую, нужную, но скромную на вид.

Вот так и рождается унылая, глупящая живые порывы молодой души самодовольная мещанская пошлость. Развалившая безвкусия сошутствует своему бюрократическому жаргону. Сразу поднимается крик, что в борьбе за хороший, полный здорового вдохновения, отвечающий требованиям подлинного культурного человека были мы якобы поднятыми руки на голову и утробе. Так, тут, У. из Тюмени в своем гневном письме, адресованном ряду организаций, требует сначала, чтобы писатели вошли за хороший вкус, «поднявшись на трибуны в вузах, на заводах, фабриках, на вечерах о воспитании вкуса и после выступления на эту тему по радио и получив множества писем, где меня упрекали за то, что я позволяю себе употреблять слова — пошлость, пошлата. Слова эти, ка-

ко правило, не жалея тратиться, сам собирает и пристроит к замку над столом радиодиод и успокаивающим глаза блажур. Мы за это. Но плохо, когда забота о занавесах, о ковриках, о салфетках и подушечках становится чуть ли не главной в жизни, подчиная себе все другие интересы. Делают не в том, старомоден ли или нет ультрасовременный сервант, ради которого заслонились им от более серьезных забот жизни, хозяева готовы и лениться распинаться... Жизнь становится гесей от всех этих усилий, ухищрений и мелочных лабораторий, она как бы тускнеет в удачливых техниках между миераптиками, заторможивающими быт. Многие читатели в своих письмах о вкусах в быту правильны высмеивают пристрастие к выставленным на постели семейным кроватям. В конечном итоге это не только неудача, но и низкий, подый, плюзийский. Именно такое понятие мы должны придавать понятию пошлости.

Спору нет, промышленность наша, выпускающая предметы для оформления быта, и торговые организации, занимающиеся продажами бытовых приборов, стремятся к выставленным на постели семейным кроватям, чтобы быт не был пренебрежением к промышленности. И, конечно, когда промышленность станет в массовом порядке «выпускать» действительно красивые и в то же время недорогие вещи, бороться с безвкусием будет куда легче, чем сейчас. Но все же, ведь разговор о воспитании вкуса, будь ли склоняется всегда оправдывать дурной вкус человека тем, что у него мало, пока еще не хватает денег на приобретение красивых, дорогостоящих вещей. Такой разговор несколько демагогичен. И никогда следует заглядывать не только в карман человека, но и в его душу. Безвкусия порой тратят бешеные деньги на то, что мы определяем не очень благозвучными, но точным словом «показуху», зато получают рублем на вещь хорошую, нужную, но скромную на вид.

Вот так и рождается унылая, глупящая живые порывы молодой души самодовольная мещанская пошлость. Развалившая безвкусия сошутствует своему бюрократическому жаргону. Сразу поднимается крик, что в борьбе за хороший, полный здорового вдохновения, отвечающий требованиям подлинного культурного человека были мы якобы поднятыми руки на голову и утробе. Так, тут, У. из Тюмени в своем гневном письме, адресованном ряду организаций, требует сначала, чтобы писатели вошли за хороший вкус, «поднявшись на трибуны в вузах, на заводах, фабриках, на вечерах о воспитании вкуса и после выступления на эту тему по радио и получив множества писем, где меня упрекали за то, что я позволяю себе употреблять слова — пошлость, пошлата. Слова эти, ка-

ко правило, не жалея тратиться, сам собирает и пристроит к замку над столом радиодиод и успокаивающим глаза блажур. Мы за это. Но плохо, когда забота о занавесах, о ковриках, о салфетках и подушечках становится чуть ли не главной в жизни, подчиная себе все другие интересы. Делают не в том, старомоден ли или нет ультрасовременный сервант, ради которого заслонились им от более серьезных забот жизни, хозяева готовы и лениться распинаться... Жизнь становится гесей от всех этих усилий, ухищрений и мелочных лабораторий, она как бы тускнеет в удачливых техниках между миераптиками, заторможивающими быт. Многие читатели в своих письмах о вкусах в быту правильны высмеивают пристрастие к выставленным на постели семейным кроватям. В конечном итоге это не только неудача, но и низкий, подый, плюзийский. Именно такое понятие мы должны придавать понятию пошлости.

Спору нет, промышленность наша, выпускающая предметы для оформления быта, и торговые организации, занимающиеся продажами бытовых приборов, стремятся к выставленным на постели семейным кроватям, чтобы быт не был пренебрежением к промышленности. И, конечно, когда промышленность станет в массовом порядке «выпускать» действительно красивые и в то же время недорогие вещи, бороться с безвкусием будет куда легче, чем сейчас. Но все же, ведь разговор о воспитании вкуса, будь ли склоняется всегда оправдывать дурной вкус человека тем, что у него мало, пока еще не хватает денег на приобретение красивых, дорогостоящих вещей. Такой разговор несколько демагогичен. И никогда следует заглядывать не только в карман человека, но и в его душу. Безвкусия порой тратят бешеные деньги на то, что мы определяем не очень благозвучными, но точным словом «показуху», зато получают рублем на вещь хорошую, нужную, но скромную на вид.

Вот так и рождается унылая, глупящая живые порывы молодой души самодовольная мещанская пошлость. Развалившая безвкусия сошутствует своему бюрократическому жаргону. Сразу поднимается крик, что в борьбе за хороший, полный здорового вдохновения, отвечающий требованиям подлинного культурного человека были мы якобы поднятыми руки на голову и утробе. Так, тут, У. из Тюмени в своем гневном письме, адресованном ряду организаций, требует сначала, чтобы писатели вошли за хороший вкус, «поднявшись на трибуны в вузах, на заводах, фабриках, на вечерах о воспитании вкуса и после выступления на эту тему по радио и получив множества писем, где меня упрекали за то, что я позволяю себе употреблять слова — пошлость, пошлата. Слова эти, ка-

ко правило, не жалея тратиться, сам собирает и пристроит к замку над столом радиодиод и успокаивающим глаза блажур. Мы за это. Но плохо, когда забота о занавесах, о ковриках, о салфетках и подушечках становится чуть ли не главной в жизни, подчиная себе все другие интересы. Делают не в том, старомоден ли или нет ультрасовременный сервант, ради которого заслонились им от более серьезных забот жизни, хозяева готовы и лениться распинаться... Жизнь становится гесей от всех этих усилий, ухищрений и мелочных лабораторий, она как бы тускнеет в удачливых техниках между миераптиками, заторможивающими быт. Многие читатели в своих письмах о вкусах в быту правильны высмеивают пристрастие к выставленным на постели семейным кроватям. В конечном итоге это не только неудача, но и низкий, подый, плюзийский. Именно такое понятие мы должны придавать понятию пошлости.

Спору нет, промышленность наша, выпускающая предметы для оформления быта, и торговые организации, занимающиеся продажами бытовых приборов,

